

ИГОРЬ СЕРЕДЕНКО

Одесские
хроники

Игорь Середенко

Одесские хроники

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Середенко И. А.

Одесские хроники / И. А. Середенко — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715446-1

В настоящий сборник вошли рассказы: о простых одесситах, пенсионерах, вынужденных выживать в сложных экономических условиях, в которых их бросило государство; и повести: «Последнее соло на скрипке», повествующей о жизни бездомного юного музыканта, и «Письма из почтового ящика», рассказывающей о жизни семилетнего мальчика, оказавшегося в зоне антитеррористической операции (АТО), в самом его пекле.

ISBN 978-0-88-715446-1

© Середенко И. А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Вся жизнь в одном метре	5
Вещий сон	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Середенко

ОДЕССКИЕ ХРОНИКИ

Вся жизнь в одном метре

(рассказ)

1.

Сон, мучивший меня всю ночь, испарился, словно предрассветный туман. Это был какой-то кошмар, помню только отдельные эпизоды, врезавшиеся в мою память. За окном мрак неохотно уступал свои права свету, лениво пробирающемуся на крыши соседнего дома. Жена, по-видимому, спала, в предрассветном полумраке я услышал ее едва уловимое сопение. Хорошо, что не храп, а то бы не уснул.

Я приподнял голову и посмотрел в сторону письменного стола, где лежал мой новый ноутбук, подаренный мне моими учениками и администрацией школы, когда они все проводили меня на пенсию. До сих пор перед глазами вижу слезы одних, молчаливую грусть других и откровенную радость третьих. Что делать, на всех не угодишь. Произведя обмен, школа получила молодого преподавателя, а я новый ноутбук, которого у меня никогда не было, и старость, которая всегда поджидала меня.

Сегодня я испытывал радостный трепет первоклассника, наконец-то у меня появился свой компьютер. Помню, как моя жена искренне радовалась этому подарку вместе со мной, хотя заметила, что теперь нам придется жить на пенсию. Но я ободрил ее перспективой частных уроков, ведь физика, которую я преподавал в школе вот уже тридцать лет, нужна для абитуриентов. Им и стану помогать.

Нашупав в темноте тапочки и надев их, шурша ногами и поднимаясь на ноги с кровати, издавшей легкий скрип, я с радостью ребенка и неуклюжего пожилого человека, подошел к столу. Нашупал свое сокровище. На месте. Лежит, ждет меня. Сколько перспектив открылись в моем воображении: интернет, друзья, соцсети, новости, видео, фото, телепрограммы... И все это, весь наш мир ожидал меня на письменном столе, а вместе с этим и перспективы, хотя и запоздалые. Первым делом, думал я, надо разыскать в соцсетях однокурсников.

Я подошел к окну, где на крыше соседнего дома в лучах пробуждающегося утра серебрился снег. На тонком его слое я увидел чьи-то следы, очевидно, здесь прошла какая-то птица, было начало и конец пути. Она оставила после себя след на этом белом полотне. Самой птицы, этого раннего художника не было видно.

Интересно, где они? Меня распирал изнутри этот вопрос, окуная меня в трепетное волнение. В этот приятный момент ожидания, я чувствовал себя вначале какого-то нового дела, словно я был первооткрывателем, охотник за потерянными сокровищами, искатель, которому предстоит открыть тайны прошлого.

Неожиданно из темноты, за моей спиной, я услышал голос жены.

– Который час? – сонным голосом спросила она.

Я подошел к шкафу, протянул руку к полке, но она, к моему удивлению, хватала лишь пустоту. Бронзовых часов, в форме лошади, редкой работы середины прошлого века, доставшихся жене от ее матери, не оказалось на месте.

– Ты что, лошадь ищешь? Посмотри на свои наручные часы, – полуудивленная, полусонная сказала жена.

Я послушался ее совета и взял с маленького столика у стены часы. Подошел к окну, чтобы не включать свет.

– Скоро семь, – ответил я, возвращая часы на место. – Милая, но я не нашел лошади.

– Ты все забыл, стареешь, – был ответ из темноты. – В сумке она, у двери, в коридоре, забыл?

– Ничего не забыл, – начал я оправдываться.

И тут, почему-то я ощутил странное волнение, мне показалось, что все это уже было. Нет, не слова вспомнил я. Это было нечто неуловимое, тонкое, почти туман.

– Сегодня суббота, надеюсь, ты помнишь, – сказала она.

– Да, милая, – я подошел к кровати, сел, сбросил тапочки, которые в полумраке, зацепившись неудачно, улетели под кровать. Я уже не думал о том, что их будет трудно достать.

Я лег рядом с ней, укрыв своим одеялом ее и себя. Она молчала. Как приятно было вновь очутиться в теплой постели. Я смоктал это мгновение, ведь оно длится недолго, ко всему привыкаешь, и тогда чувство приятного, нового теряется. И почему мы так быстро привыкаем? Почему не дано нам вечное наслаждение?

Я ощутил ее теплое тело, ее молодое – у нас разница в возрасте двенадцать лет, – сладкое тело. Я приблизился к ней, уткнувшись носом в ее спину, вдохнул этот теплый приятный запах самки, так притягивающий нас, мужчин. Руки невольно, словно увлеченные какой-то природной силой, поползли по ее талии вниз к бедрам, к этим желанным шелковистым холмикам.

– Отстань, – твердо, с ноткой недовольства сказала она.

Я неохотно забрал руки с ее тела, во мне начала пробуждаться обида. Я не понимал, что происходит.

– Почему? – спросил я, – ведь сегодня суббота, тебе не надо идти на работу.

И тут я вспомнил, что несколько дней назад она что-то говорила мне о том, что не сможет пойти на толчок. Я тогда не придавал этому значения.

– Вечно ты все забываешь, – ответила она.

– Да, вспомнил, ты что-то говорила о выходных, – начал я осторожно, пытаясь вспомнить хоть слово.

– Дурак... – она помолчала немного, потом добавила, – дурак и старик.

Слово «старик» у нее появилось с тех пор, как я оказался на пенсии. Я уже начал привыкать к нему. Если бы его сказал кто-то другой, я бы без сомнения обиделся, но ее голос обладал волшебным действием на меня – я почему-то не обижался, когда она так злилась, ведь я все еще любил ее. Чтобы меня разозлить, ей понадобится что-то потяжелее.

Она молчала. Тогда заговорил я.

– Мы уже давно не занимались сексом, – смело сказал я, все еще ощущая тепло ее манящего тела.

– Об этом можешь забыть, – бросила она с явным неудовольствием.

– Ого! – удивился я. – Так кто ж у нас стареет? Я свой возраст не замечаю, и по-прежнему хочу тебя. Ты для меня... – несмотря на ее непонятное раздражение, я хотел сказать ей что-то приятное, но вдруг она оборвала меня упреком:

– И вещи свои грязные выноси в ванную, а не бросай где попало.

– Какие еще вещи? – удивился я.

– Рубашка уже неделю на тебе, и... и вонючие носки, провоняли всю комнату.

У меня не было слов. Я уже забыл о своем утреннем настроении, о том, что собирался сегодня сделать.

– Так и будешь лежать? – последовал новый упрек. – Ты же обещал сегодня пойти на толчок вместо меня. Нам стиральный порошок нужен для твоих вещей, гора собралась.

И тут я стал припоминать эти ее слова, на счет замены. Очевидно, я тогда за компьютером был, и не до конца понял ее тихие слова, сказанные за моей спиной.

– Да, это я помню, – оправдывался я. Но признать вину не хотелось, ее оскорбления, видимо, все же где-то в глубине моей ученой души, задели меня. – Нет ничего страшного, если не пойду сегодня, – продолжал я. – А на порошок возьмем деньги из коробки, в ящике стола. Там еще остались деньги.

– Их там уже нет, – тихо сказала она.

– Я точно помню, там было еще пятьсот гривен.

– Я их потратила, – осторожно сказала она.

– Как?... – удивился я. Обычно я о деньгах не думаю. Этим занимается она.

– Я заплатила врачу, – все так же тихо, словно виновный ученик, сказала она, – остальное пошло на лекарство, которое он прописал мне.

– Ты была у врача? – вновь удивился я. – Ты больна?

– Это не болезнь! – резко бросила она, словно обвиняя меня.

– Не болезнь? Что же тогда?

– Это возрастное, – спокойно сказала она.

– Не понял.

– Какая тебе разница... Ты только в школе пропадаешь, с учениками, с железками...

Ее голос внезапно надорвался и затих.

Странно, но теперь я вновь почувствовал, что это со мной уже было. Мне показалось, что все это я уже переживал. Тоже нежное волнение, обида, жалость, желание обладать и невозможность что-либо изменить.

– Что сказал доктор? – спросил я.

– Иди к черту! – внезапно вырвалось у нее.

– Но ты можешь сказать? – повысив голос, настаивал я.

Она внезапно распахнула одеяло, откинув его на меня, и села на кровати. Она была в ночной белой рубашке. Утренние лучи уже проникали в комнату, очерчивая тонкие линии ее тела. Несмотря на ее возраст, она казалась мне все еще молодой и сильной. Но глядя на ее полуобнаженную фигуру, после ее слов, мне она показалась какой-то утомленной, несчастной, словно вся ее прошлая жизнь высосала из нее все соки, оставив лишь согнутый скелет. На голове у нее была шерстяная шапочка.

– Врач сказал, что это климакс. Тебе это о чем-то говорит? – спросила она, с каким-то легким раздражением в голосе, заранее зная ответ.

– Ну, – я задумался, но кроме физических терминов я ничего не припомнил. – Кажется это... – начал я неуверенно.

– Это генетические изменения, которые происходят с женщиной в определенный период, – пояснила она раздраженным голосом. – Так что ты ко мне не приставай больше.

– Но ведь это проходит, раз в определенный период, – и тут я вновь обратил внимание на ее шапочку.

«Странно, зачем это она надела ее в кровати», – подумал я.

Она быстро вскочила на ноги, словно я нанес ей тяжелое оскорбление. Мне показалось, что я видел наполненные слезами глаза. Не успел разглядеть, она опустила голову.

Я тоже поднялся, подошел к старому креслу и тяжело опустился в него, словно уже и не собирался с него когда-либо встать.

Она все так же стояла у кровати, в тоненьком ночном платье, босиком, худенькая, тело ее немного содрогалось, словно осенние листья, дрожащие от наступления холодной осени. Она приподняла голову, и я увидел на ее бледном лице следы от ползущих слез.

– Ты, наверное, заметил, что моя голова вот уже как месяц покрыта этой шапкой, – проговорила она, еле сдерживая нахлынувшие на нее чувства какой-то обиды.

– Я подумал, что тебе холодно, ведь у нас нет отопления, и ты мне так и сказала месяц назад, – пояснил я, – и потом, ты в ней такая красивая.

– Вот, можешь полюбоваться, – и она сняла шапку, потом повернулась спиной, чтобы я смог разглядеть.

Два больших белых пятна я увидел в том месте, где когда-то были роскошные шелковистые черные волосы, которые, казалось, никогда не будут тронуты сединой – этой тенью старости.

Показав эти две лысины, белеющие в ее волосах, она быстро вышла из комнаты и закрылась в ванной, где в последнее время проводила по многу часов.

Я не помню, сколько времени сидел в кресле, приросшим к нему своим телом. Меня разбудил ее голос, она была по-прежнему в ванной.

– Нам нужны деньги, иди... оставь меня одну.

Я молча оделся, находясь все еще в каком-то кошмарном сне, взял свой старый, еще институтский портфель и вышел.

2.

Солнце куда-то спряталось, улицы были укрыты плотным снегом. Я шел в тишине, город только начинал просыпаться. Под ногами хрустел снег, а перед глазами я все еще видел эти два ужасных белых пятна на ее голове.

Несмотря на раннее утро на улицах, прилегающих к Староконному рынку, уже были люди. В основном, это были пенсионеры, такие, как и я. Они просыпались рано и шли к рынку со своим барахлом, чтобы занять лучшее место.

У стен уже все места были заняты, и мне пришлось стать у дерева. Только теперь я понял свою ошибку – я не взял с собой табуретку, впрочем, у нас ее и не было. Пришлось сесть на камень, который я увидел у бордюра. Я раскрыл портфель. Сверху лежала какая-то коричневая ткань, в которой я признал нашу старую скатерть. Расстелив ее на снегу, я начал вынимать вещи: здесь я обнаружил наш старинный сервиз, которым мы давно не пользовались, в нем были вилки, ложки и ножи, затем вынул набор чашек, сахарницу, какой-то фен, несколько изделий из хрусталя или стекла, фарфоровые статуэтки, два моих ремня, которыми я давно не пользуюсь, электробритву, о которой я уже давно забыл, мой старый костюм с пятном на брючине, который я тут же засунул обратно, последними были бронзовые часы в форме лошади. Их я поставил впереди, жаль, что они ходили. Расставив все эти предметы на полотне размером один квадратный метр, ровно такой площади у нас был стол, который давно сгнил на какой-то свалке. К своему удивлению, я обнаружил, что все эти предметы мило смотрелись.

Покупателей не было, были лишь редкие прохожие, которые, вероятно, шли на работу. Я пододвинул к себе портфель, и к своему удивлению обнаружил, что он не пустой, в боковом отделении было еще что-то. В нем я обнаружил маленький термос, не пустой. Открыв его, я увидел пар. Удивительно, но он все еще сохранял температуру. Очевидно, это моя жена позаботилась с вечера обо мне.

Выпив чаю, я задумался. Ведь все эти вещи надо было продавать. Но какие ставить цены. Я тщетно пытался вспомнить, что об этом говорила жена. Но память не хранила информации на этот счет. Я решил порыться в портфеле, в надежде отыскать там какую-то записку, указывающую на цены. И не ошибся. Развернув лист, сложенный в несколько раз, я увидел список, сделанный ее рукой. Я не сразу разобрался в этом, потому что надписи были какими-то странными. Я прочел первую запись: «одна чашка – четырнадцать гривен (февраль 2008 года); вилка – 8 гривен (сентябрь 1986 года); бритва – 24 гривны (ноябрь 1978 года); бронзовые часы – 31 гривна (октябрь 1983 года)...

С ценами было понятно, но что это были за даты? Я стал вспоминать. Февраль 2008 года, – что это означало? Без сомнения, этот список она сделала для меня, но причем тут месяцы и годы? Я еще раз поднапряг память, весь 2008 год у меня пролетел перед глазами. Февраль, что произошло в феврале? Чашки из сервиза мы приобрели значительно раньше, еще в советскую эпоху, тогда это можно было купить. Глядя на чашки, я вспомнил восьмидесятые годы, когда мог купить стакан газированной воды в автомате на улице всего за одну копейку, булочку – за три копейки, а бутылку кефира – за пятнадцать копеек. Сейчас это стоит в сто раз больше. Цены выросли. Инфляция. Реформы совершались всякий раз, когда появлялось новое правительство. У каждой новой власти аппетиты были больше их предшественников, – вот куда делись зарплаты, остались лишь копейки. Теперь эту чашку она решила продать за 14 гривен. Но почему за 14? Почему не за 15 или 20, чтобы число было равным? И почему даже бабушкины бронзовые часы стоили 31 гривну, не выше?

И тут, неожиданно для себя, я вспомнил февраль 2008 года. Лишь по одному событию, отложившемуся в моей памяти. Я купил два билета в театр Оперы и Балета. В зале было прохладно. Но, несмотря на это, она была в тоненьком синем платье. Ни за что не хотела надевать поверх свитер, который я ей предложил. Как она была прекрасна в нем. Ее славное, не потерявшее былую красоту личико было обрамлено шелковыми густыми волосами. На руке было обручальное кольцо – серебряное с простым камешком, которое я ей подарил еще до свадьбы. Но больше всего меня тогда поразили ее глаза, эти два синих океана, они блестели гордостью и величием, какое можно увидеть лишь у благородных королей. Она и была в тот день моей королевой.

Я еще раз развернул, уже измятый лист с ее строчками и нашел в них эту запись: «14 грн (февраль 2008 года)». И тут меня осенила догадка. 14 февраля – именно в этот день мы пошли в театр. Не может быть! Следующая дата: 8 сентября 1986 года. Я вновь окунулся в глубины памяти. Ах, если бы это были формулы, я бы их легко вспомнил, но даты были для меня ничем, ведь время не останавливается. Я жил настоящим, а она... 8 сентября 1986 года.

Я не помню, сколько времени я думал над этой загадкой, лучше бы я диссертацию написал. Но сдаваться я не хотел. Разочаровавшись в своей способности запоминать события своей жизни, я изменил способ воспоминаний. Я стал рыться в памяти, – ведь только эта кладовая у меня была, чтобы решить этот ребус, – но не в числах, а в ярких событиях. И тут я вспомнил, что в сентябре 1986 года, когда еще было тепло и солнечно, я пригласил жену в Парк Победы, где мы катались на лодке. Сначала работал веслами я, но потом она захотела сесть за управление. Мы поменялись. Сперва мы крутились на месте, она никак не могла разобраться, как управлять веслами. Мы смеялись, я снимал ее. Помню, как ее славная, гибкая фигура была в окружении золотистых лучей. Солнце тогда падало в объектив фотоаппарата, и снимки не получились, но глаза запомнили все кадры на всю жизнь. Тогда она призналась, что работает веслами впервые.

Следующей датой в списке было 24 ноября 1978 года. Этот день мы отмечали каждый год, забыть невозможно, ведь это день нашей свадьбы. Тогда я настоял на том, чтобы мы сняли кафе и там провели свадьбу. Это было дорого для молодого аспиранта. Она ни за что не хотела помощи родителей, да и я сказал, что мы справимся. Мы соединили наши скудные капиталы, но и их было недостаточно, тогда я заложил в ломбард отцовскую кинокамеру, подаренную им мне в мой день совершеннолетия. Мои родители были педагогами, я шел по их стопам. Поступил в Национальный университет имени Мечникова, стал физиком, поступил в аспирантуру, чувствовал, что это мое призвание. Там я встретил свою первую девушку, вернее, ее познакомили со мной мои родители, которые дружили с ее родителями. Она была химиком. Я частенько провожал ее домой, с ней было хорошо. Я не думал тогда о любви к этой девушке, мы говорили о науке, о музыке, которой она увлекалась с детства.

Но однажды я встретил ее... С первого же взгляда я почувствовал жар в груди, который не остывал ни днем, ни ночью. Это была простая девушка, с голубыми глазами и черной копной шелковистых волос. Ее тело было гибким, как у пантеры. Когда она улыбалась, для меня зацветало все вокруг. Ее гибкое тело манило меня, как пчелу к нектару распустившегося весеннего цветка. У нее не было высшего образования, она не могла говорить о музыке или каких-то науках, где преуспела, но мне, почему-то хотелось с ней общаться. Она не разбиралась в физике и математике, в школе училась средне, но во всех бытовых и житейских вопросах разбиралась лучше любого академика. Мне с ней было весело, она любила мелодрамы, читала хроники новостей из жизни людей знаменитых и незаурядных. Ее интересовали не формулы, а сама жизнь. Мы расписались с ней в ноябре.

Помню, как под новый год, когда мы нарядили елку, я вдруг обнаружил, что одну игрушку мы не вешали на нашу зеленую красавицу, но тем ни менее, она находилась на ней. Это было что-то пушистое и рыжее. Когда мы с ней подошли к елке, я протянул руку, чтобы вынуть этот рыжий пушок и рассмотреть его поближе. Но, неожиданно, в нем появились два глаза, он зашевелился и вдруг спрыгнул с елки, которая вслед за ним упала на пол со всеми игрушками. Этим пушком оказался соседский кот.

Тридцать первого октября 1983 года я тоже вспомнил, по яркой картинке, всплывшей перед моими глазами. Я давно обещал ей отправиться в путешествие. В этот день я одолжил у друга мотоцикл, всего на неделю. И мы отправились с ней в Крым, в горы, в эту чарующую зелень и синеву, где царствуют вековые деревья и синее море, где лето длится намного дольше, чем в Одессе. На мотоцикле мы с ней объездили горы извилистыми царскими тропами, посетили роскошные дворцы, где жили императоры и князья, побывали на Поляне сказок. Мне до сих пор кажется, что все это было с нами в каком-то небывалом, фантастическом, сладком сне.

Она все помнит, и я благодарен ей за это. Ведь она была той единственной нитью, которая тянула меня за судном жизни, от которого я отставал, барахтаясь в серой, холодной пучине своих целей и честолюбии. Меня штормом выбрасывало в эту пучину мертвых формул и ледяных фигур, а она, такая живая, вечно молодая и сияющая меня спасала, вытянув на борт жизни, ни разу не упрекнув меня в моих глухих и бессмысленных желаниях. Она насыщала меня кислородом жизни и счастья, а я, насытившись, вновь нырял в пучину науки, так далеко равнодушной и ничего не давшей ни открывателям, ни человечеству.

Я не помню, как оказался дома, в своем глубоком кресле. Мой взгляд направлен на входную дверь. Я жду, когда она войдет, когда я вновь увижу ее вечно молодую, не унывающую, способную дарить простое человеческое счастье, которое ничего не стоит, но ценнее всего, потому что именно оно заряжает нас той энергией, которая оставляет в нашей памяти, не стирающие со временем яркие картины нашей жизни. Единственное, чего я боюсь, это посмотреть вниз, где по-прежнему лежит серая потрепанная скатерть, с расставленными на ней старыми вещами, разрушающимися со временем, но напоминающими мне те давние яркие впечатления, которые стереть невозможно, потому что они являются частью вечности.

Вещий сон

(рассказ)

1.

Андрею Степановичу исполнилось семьдесят восемь лет. На следующее утро, после дня рождения, он сказал жене, что боли в груди прекратились, и он чувствует себя на тридцать лет моложе. Жена, Люба, услышав, что мужу стало легче дышать, и его не тревожат боли, прижалась к нему, и стала поглаживать его руку под одеялом.

– Это всё лекарства для сердца, – сказала Люба.

– Нет, это сон, – твердо заявил муж.

– Сон! – удивилась она.

– Да.

– Я рада, что тебе наконец-то начали сниться сны. Они успокаивают. А что тебе приснилось, помнишь?

– Также ясно, как это солнечное утро, – ответил он.

– Расскажи мне. Он был длинным?

– Не очень.

– Но приятным? Что ты делал во сне? – допытывалась жена, фантазируя в своих мыслях сон мужа.

– Я умер.

– Как это, умер? – она невольно затихла, с ужасом прислушиваясь к стонам за стенкой.

– Умер и все. Это просто, этого не надо бояться.

– Если ты умер во сне, значит наяву все будет хорошо, – сказала жена, ближе прижимаясь к мужу.

– Глупая, неужели ты не понимаешь? – он забрал свою руку из ее объятий. – Это был вещий сон.

После минутной тишины он почувствовал влагу на своем плече, – жена тихо плакала, не говоря ничего.

Несмотря на то, что слова Андрея Степановича были сказаны в комнате рано утром, к вечеру уже вся коммунальная квартира, где проживали шесть соседей, знала о вещем сне. Весть о том, что в коммуналке скоро появится покойник, – ибо никто из соседей не сомневался, что сон был вещим, так как все уже полгода знали о тяжелой болезни Андрея Степановича, знали и чувствовали скорый приход смерти, – никого не удивила и не напугала.

Смутила и расстроила новость лишь Бориса Петровича, у которого вот уже полгода не было напарника для игры в шахматы. Он нашел лишь одного игрока, способного сыграть с ним вничью и даже выиграть, но Андрей Степанович заболел, и Борис Петрович, этот скряга и ворчливый пенсионер, бывший заведующий кафедрой математики, стал невыносимым молчуном. Он заперся в своей девятиметровой комнате, где окна выходили во внутренний двор, и не желал никого видеть, лишь изредка выходил по необходимости, когда в общем коридоре никого не было.

В шесть часов вечера в комнату Андрея и Любы постучались. Это была подруга Любы, Надежда Абрамовна. После двадцатиминутного перешептывания в углу на диване, в процессе которого Андрей Степанович молча лежал на кровати, в другом углу комнаты, с закрытыми

глазами, и спал или делал вид, что спит, подруга Любы вышла, озираясь на лежащего с загадочным выражением лица, словно она увидела святого.

Стоны за стенкой возобновились, и жене показалось, что это не ее муж готовится к смерти, а соседка, которой исполнилось семьдесят четыре, ее родственница. Арина, чьи стоны они слышали почти каждый день и ночь, болела ногами – проклятая подагра большого пальца левой ноги совсем замучила ее. Соседям было жаль одинокую соседку, и они навещали ее, из жалости к мучениям женщины они помогали ей, ходили за покупками. Но стоило им уйти, и в коридоре наставала тишина, стоны замолкали, и вновь возобновлялись, когда кто-нибудь ходил по коридору.

На следующий день, после того, как весть о вешем сне распространилась до самых темных и одиноких уголков коммунальной квартиры и пропитала все немногочисленные квадратные метры этого убого жилища, где ремонт уже сами жители забыли, когда делали, в комнату Андрея Степановича постучали дважды. По голосам Люба поняла, что это их друзья, супруги Гордиенко, Федор и Людмила.

Супруги сели за круглый стол, стоящий посередине комнаты, и, развернув стулья к кровати, где лежал умирающий, с не скрывающим любопытством паломников и чистотой веры усталились на Андрея Степановича.

– Тебе действительно приснился этот сон? – осторожно спросил Федор Александрович, хотя он не сомневался в новости, которую передала ему жена, узнавшая, в свою очередь, об этом от Надежды Абрамовны.

Андрей Степанович выпучил губы и нахмурил брови, его взгляд буравил серый потолок, где местами паутинкой нарисовались трещины.

Жена Федора облизывала губы, покусывая их, и с нарастающим интересом поглядывала то на мужа, то на Андрея Степановича.

Вместо Андрея Степановича заговорила его жена.

– Сон приснился в ночь после его дня рождения.

Андрей Степанович вынул руки из-под одеяла и опустил их на грудь.

– Даже болезнь отступила, – осторожно добавила Люба.

– Это правда?! – удивился Федор Александрович. – Такое случается раз на сто тысяч. Ты видел, как ты умер?

– Нет, но... я почувствовал... – начал Андрей Степанович неуверенно.

– Что, что ты почувствовал? – с нетерпением спросила Людмила.

– Не знаю, это было необычно, что-то легкое, – ответил, задумавшись. Андрей Степанович. – Какое-то сияние, – добавил он после минутной паузы.

– Это знак Господа, – сказала неуверенно Люда, вынимая из своей сумочки небольшую книжечку. И, разворачивая ее золотым крестом, изображенном на титульной стороне, к лежащему, произнесла твердым голосом: – Это библия. Здесь об этом сказано. Это Господь. Он знает о нас, о наших земных муках, он все видит.

– Мы с женой, – сказал Федор Александрович, пенсионер и бывший инженер-строитель, – думаем, что Он послал тебе этот сон.

– И это неслучайно, – добавила Людмила, наклонившись к Любе, словно ей одной она хотела поведать свое открытие, которое ей пришло прошлой ночью. – Ваш муж, Люба, наш проводник.

– Что за проводник? – с пренебрежительным удивлением спросил Андрей Степанович.

– Проводник между нами и Богом, – пояснила Людмила.

– Что за... – возмутился умирающий.

– Зря не веришь, – настаивала женщина.

За каких-нибудь три года, которые она с мужем начала верить в Бога, когда поняла, что выше него нет никого, и все земные и семейные жалобы лишь он один может понять и выслу-

шать, она завербовала в веру сто шесть человек и этим гордилась. Из всех ее близких знакомых лишь Андрей Степанович и Борис Петрович сопротивлялись, а точнее говоря, они просто не обращали на нее и ее витиеватые фразы внимания. Возможно, это из-за того, что они были увлечены игрой в шахматы, когда Людмила пыталась им объяснить смысл их существования. А когда они не играли, то спасаясь от ее сладких и загадочных фраз, они сбегали с общей кухни или коридора в свои комнаты, захлопывая перед оратором дверь. Но с появлением одышки, которая нагло входила в грудь Андрея Степановича, и мучила его по ночам, не давая покоя и днем, и появление сердечных болей, он понемногу – одним ухом и одним глазом, – начал прислушиваться к этой странной женщине.

– Бог, говоришь, навел на меня? – переспросил Андрей Степанович, все еще прожевывая медленно ее слова.

– Я в этом уверена, – твердо сказала Людмила, кладя библию на кровать, рядом с Андреем Степановичем.

– Я вчера тоже это почувствовал, – заметил Федор Александрович. – Мы с супругой ходили в церковь...

– Не в церковь, а в собор, – поправила его жена. – Я рассказала Господу о тебе, и попросила, чтобы он дал нам ответ.

– О чем? – спросила Люба, прижимая руки к груди от волнения.

– О том, что Андрей выбран им, он избранный.

– Наверное, это за все его мучения за последние полгода, – сказала Люба.

– И что? – спросил Андрей Степанович, все еще не веря в то, что он избранный. Единственное, во что он верил – это было облегчение боли в груди, которая его терзала шесть месяцев.

– Что, лекарства не помогли? – ехидно сказала Люба. – Ни один врач не поможет. Они все дураки.

– Но кто же может вылечить больного? – с какой-то внутренней надеждой сказала Люба.

– Только тот, кто его и создал. Наш создатель и господин, – заявила Людмила.

После ухода супругов Гордиенко, Андрей Степанович скрестил руки на груди и возвел задумчивый взгляд к потолку, изучая причудливые линии трещин.

– Черт его знает, может она и права, – сказал он после раздумий.

Люба ничего не ответила, она лишь с блаженным взглядом послушницы незаметно взяла с кровати у изголовья библию, которую оставила Людмила, и тихонько спрятала ее в карман халата, затем, пока муж таращился на потолок, задумавшись, словно полководец перед битвой, подошла тихонько к комоду и сунула книгу между сложенных в стопку простыней.

Не прошло и часа, как удалились к себе супруги Гордиенко, как в комнату кто-то осторожно постучал.

Это был Тимофей Савович, бывший школьный учитель химии, а ныне почетный пенсионер. Он единственный из всех жильцов коммуны, кто имел и умел обращаться с компьютером, знал, что такое андроид и как пользоваться смартфоном. Все эти современные познания, без которых трудно представить нынешнего человека, он приобрел в общении с многочисленными внуками, навещавшими его. Перспективы начала двадцать первого века ему нарисовал подробно его старший внук, которому исполнилось двенадцать лет, а младший из шести сорванцов довершил описание, научив деда собирать урожай пшеницы с экрана планшета, который был подарен дедом на семилетие любимого внука.

Тимофей Савович протянул Андрею Степановичу какой-то маленький овальный предмет. Умиравший с трудом нащупал его в своей руке.

– Что это, Тимоша? – спросил Андрей Степанович, глядя на вошедшего широко открытыми глазами.

Жены в комнате не было. Очевидно, пока муж дремал, пытаясь вновь увидеть продолжение вещего сна, чтобы лично услышать голос всевышнего, она вышла к соседям.

Мутный взгляд Тимофея не рассеял вопроса, тогда он спросил еще раз.

– Что ты мне принес, Тимофей? – уже немного с раздражением спросил хозяин комнаты, которому помешали заснуть.

Он поднес руку к самым глазам, все еще неясно, полусонным взглядом рассматривая мелкий овальный предмет.

– Это флешка, – сказал Тимофей.

– Флешка! – удивился Андрей Степанович. – Какую в компьютер вставляют? – догадался он.

– Да.

– Но зачем она мне?

– Это не тебе.

– А кому? – удивился Андрей Степанович, опуская утомленную дрожащую руку. Он уже хотел было вернуть ее обратно, как вдруг услышал:

– Это для Господа.

– Для кого?! – он не поверил своим ушам.

– Ну... для Бога, – неуверенно начал Тимофей Савович, разминая скрюченные, покрытые морщинами пальцы. – На ней мои... просьбы... советы, – невнятно произнес он.

– Что за советы? – все так же недоуменно спросил умирающий.

– Я подумал, что если дать это на бумаге, то будет ненадежно, ведь бумага может разорваться, сгореть, сгнить. Кроме того, он ведь там, – он показал пальцем в потолок, – и вряд ли поймет наш язык. А вот в электронном виде – другое дело. Это язык космоса. Весь мир наполнен электрическими волнами, – он на мгновение затих, – ну, в общем, я думаю, – нескладно продолжил он, – что это будет лучше бумаги. В конце концов, информация не зависит от носителя.

– И что в ней? – спросил Андрей Степанович, догадываясь, о чем идет речь.

– Ну, как бы тебе сказать, – он тяжело вздохнул, стал вновь мять руки. – Ты же сам видишь, мы не живем, а существуем. Пенсии ничтожны, восемьдесят процентов уходит на коммунальные услуги, которые все больше и больше. Правительство подняло пенсию на восемь процентов, а коммунальные услуги на отопление, свет и газ на триста процентов. Где справедливость, где равенство?! – возмутился он. – А ведь мы такие же люди, как и те, что в управлении. Бог ведь сделал нас одинаковыми, равными. А сколько у нас в Украине гробов-то приходит с востока? Почему гибнут невинные дети? Почему крестьянская земля пустеет? Скоро сеять некому будет, пока эти бандиты жиреют да на джипах разъезжают.

– Ну и что? Тебе то что?

– Да я... я всю жизнь честно проработал... – он замолчал, закрыл мутные от слез глаза уродливыми старческими ладонями. Его тело содрогалось от бессилия, он не мог остановить этот поток мучительной боли, напавшей на него так внезапно.

Андрей Степанович, освободившись от флешки, положил левую руку на голову, склонившегося на табуретке и все еще содрогающегося друга.

– Я передам, – сказал он, поглаживая старого друга.

Спустя некоторое время, когда неожиданный приступ прекратился, и Тимофей Савович поднял голову, Андрей Степанович сказал:

– Я обязательно передам ее, если он возьмет.

– Возьмет, обязательно возьмет. Я, конечно, понимаю, что он наш создатель и ему не просто было сотворить нашу Землю и людей, но... если он будет так любезен и прочтет те малые мысли, которые я выразил в своем обращении к нему, то может, все поменяется.

– Обязательно, – утешительно сказал Андрей Степанович.

– Я не для себя, я же понимаю, что стар. Мне это уже ни к чему. За всю свою жизнь школьным учителем, я так и не смог купить дом, машину. Ты не поверишь, я ни разу не водил машину.

– Но ведь права мы вместе получали, – возразил Андрей Степанович.

– Да, но машину я так и не смог купить. Когда умерла жена, все наши скудные сбережения ушли на ее похороны, а теперь и мечтать нечего. Цены взлетели до облаков.

– Это верно, для нас купить машину или самолет – одно и то же, невозможно. Но зачем тебе об этом думать?

– Это не для себя. Я смотрю на своих внуков, которые навещают меня, растут и цветут, как цветы. Но не пройдет и двадцати лет, как они станут взрослыми. Я не могу им ничем помочь, понимаешь?

– Ну и что, у них есть родители.

– Да, есть, – как-то грустно сказал Тимофей Савович. – Но они уже повторяют мою судьбу. Мои дети... Они повторяют меня... – Андрей Степанович почувствовал, что его старый друг вновь начнет плакать. – Я это вижу, они все бедные. Их дети... Они такие славные, юные, их улыбки лучезарны, а глаза такие чистые, как лесные родники – свежие и наивные. Что их ждет? Бедность, упреки, ссоры, тяжесть, невыносимость и боль. Нет справедливости на Земле. Кто понаглее, кто жестокий... тот подминает слабых, а они у меня не из воинов, честные и простые, как и я сам.

– Ты что хочешь сказать, что был учителем и ни разу не брал взятку?

– Ни разу.

– Не верю.

– Это твое дело, но перед Богом я чист. Я... я всю жизнь верил, что воровать плохо, грабить – преступление, обманывать – бесчестно.

– Вот и стал стариком, – упрекнул его Андрей Степанович.

– Я не жалею себя, мне просто обидно...

– За что?

– Что мир не увидел. За всю свою жизнь я был лишь раз в Словакии. Больше я нигде не был, денег не было. Четыреста евро поездка стоит, недавно прочитал в газете, и это самая дешевая. А моя пенсия после выплаты за коммунальные услуги составляет, после пересчета по курсу, десять долларов.

– Да... – только и вымолвил Андрей Степанович. – Ты думаешь, он прислушается к твоим советам?

– Я верю в это, в справедливость. Он ведь не жесток. Был один святой, который хотел сделать нашу жизнь без мук, но его застрелили или отравили. Не хотят они, чтобы были счастливыми все, ведь тогда им мало счастья достанется.

Он ушел, пожав на прощание руку Андрея Степановича. Когда он рассказал об этом визите жене, она сказала с какой-то грустной улыбкой:

– А мы ведь тоже нигде не были. Может, хоть на том свете увидим мир. Людмила сказала, что смерть для тебя будет легкой, ты ничего не почувствуешь, потому что этого хочет Он.

2.

В полдесятого, когда в коридоре затихла суете соседей, в дверь постучали три раза. Андрей Степанович, хоть и находился в кровати, пытаясь войти в контакт с Господом, читая библию, принесенную Надеждой Абрамовной, все же узнал знакомый сигнал.

– Это Борис. Пришел навестить друга в последний час, – сказал он жене.

Люба впустила соседа, а сама пошла на кухню, сказав, что у нее там есть дела, на самом деле она хотела оставить друзей одних, чтобы они могли поговорить наедине.

– Что, помирать собрался? – все еще не веря в слухи, сказал Борис Петрович.

– Да, вот, как видишь, – он указал на библию, лежащую слева от подушки. – Принесли библию, советы для Бога, – он указал на маленькую флешку, лежащую справа от подушки. – Ты что принес, старый друг?

– Надежду на скорое выздоровление.

На утомленном и бледном лице Андрея Степановича заиграла тень улыбки.

– Ну, если чувство юмора есть, значит и помирать нечего, – сказал Борис. – Ты как себя чувствуешь? Боль отпустила? – и, тут же, вдогонку вопросам ответил, – вижу, что легче.

– Говорят, что это божья сила.

– Ерунда! Бог давно уже забыл о нас. Вселенная ведь бесконечна. Сотворил людей, землю, а потом забыл, где и что сделал, ведь у нас миг жизни, а у него вечность. Так мы затерянные и плаваем тут, на этом камне, еще мокрым от его слез. А флешку кто принес? Дай-ка угадаю. Тимофей?

– Он самый, жалуется в ней на тяжесть жизни и несправедливость судьбы, – сказал Андрей Степанович.

– Хм. Хочет справедливости?

– Он не хочет быть бедным.

– Если все будут богатые, то кто же тогда работать будет, кто землю пахать станет. Богатые ведь не привыкли землю буравить, им бы потреблять, да и то скукотища. Нет, Андрюша, все продумано до мельчайших деталей, как в шахматах: логично и разумно.

– Как в шахматах? А как же быть с болью?

– Боль испытывает лишь наше тело, оболочка. Душа же не материальна. С гибелью тела и память, хранящая боль, угаснет. Воспоминаний не останется.

– А как же душа?

– А вот душа страдает, это ее главное и единственное свойство – страдание, – после минутной паузы, в процессе которой каждый думал о своем, он сказал: – а не сыграть ли нам партию, напоследок.

– И то верно, последнюю, – согласился Андрей Степанович.

– Где они?

– Там, на подоконнике, за занавеской.

Борис Петрович взял доску, подошел к кровати.

– Ну, двигайся.

– Зачем, мне и так удобно.

– Хочу лечь с тобой рядом. Вместе жили, вместе играли, может, и умрем вместе.

Андрей Степанович посмотрел на друга с взглядом, который появляется между друзьями, когда они понимают друг друга без лишних слов.

Он пододвинулся, а Борис лег рядом, раскрыл доску, высыпав фигуры, и установил ее одной стороной на своей груди, а другой – на груди Андрея. Расставив шахматные фигуры, они стали играть, не раз ловя себя на мысли, что эту партию они уже когда-то играли.

Обменявшись пешками, а потом слоном на коня, Борис Петрович сказал:

– Расскажи о нашей жизни ему.

Рука Андрея Степановича зависла над шахматной доской, а взгляд пары туманных глаз невольно покосился в сторону Бориса.

– И ты туда же.

– Что поделаешь, я ведь тоже человек. Жить на земле и не страдать – невозможно. А мне так это надоело, мочи нет.

В этот момент тихонько открылась дверь и вошла Люба. Этим партия и кончилась. Налетев, как птица, защищавшая свое гнездо, она прогнала Бориса Петровича, но интересную шахматную позицию друзьям все же удалось сохранить, хоть доска с расставленными на ней фигу-

рами тихо и плавно переместилась на секретер. Друзья расстались, как джентльмены: отдав должное сильной позиции противника, но в мыслях сохранили преимущество комбинации за собой, в надежде разгромить соперника завтра.

Но завтра этому матчу не суждено было завершиться, так как ночью Андрею Степановичу стало тесно в груди, потом появился жар и нестерпимая боль. Когда перепуганные и полусонные соседи вызвали скорую, больной уже ничего не чувствовал. Так, в беспамятстве, его тело унесли на носилках. Все пять дней, в течение которых лучшие врачи Еврейской больницы Одессы боролись со смертью, все жильцы коммунальной квартиры, где проживало восемь соседей в шести отдельных комнатах, думали о счастливом Андрее Степановиче, фантазируя его встречу с Богом и каждый представлял, как о нем рассказывал избранник Бога, перечисляя все его хорошие стороны, вспоминая все земные муки души.

«Клиническая смерть?» – так сказал молодой доктор, привезший на машине скорой помощи возвратившегося с того света Андрея Степановича.

– Теперь ему нужен покой, – сказал он на прощание.

В комнате столпились все. Пришла даже Арина Семеновна, не выдержав своего годичного заточения. Выйдя из своей скромной кельи, она, глядя на Людмилу, державшую на груди библию, твердо заявила:

– Следующей буду я! Он мне приснился этой ночью.

Никто не придавал ее словам значения, ведь все взгляды и мысли были направлены в сторону Андрея Степановича, лежащего на своей кровати. Еще более бледное, чем до больницы, лицо Андрея Степановича ничего не выражало, оно было схоже с лицом Девы Марии с поднятыми глазами. Он смотрел не на кого и на все, что его окружало сразу.

Казалось, что взгляд этого святого человека, побывавшего в замке Бога, объединял всё сущее. Они казались просветлевшими, широко раскрытыми, и все еще хранящими в себе частичку загробного мира.

– Ну что? Что молчишь? – первым, не выдержав, нарушил гробовую тишину Борис Петрович.

– Как там? – спросила Людмила. – Ты говорил с ним?

– Ты передал ему мои советы? – тихо, с глубокой надеждой, спросил Тимофей Савович.

Молчала лишь Люба, она сидела на табуретку у изножья кровати, склонив голову и молча глотая слезы, медленно скатывающиеся по ее разрыхленному морщинами лицу.

– Нет, – наконец издал Андрей Степанович.

– Нет! – удивились в один голос супруги Гордиенко.

– Что нет? – спросила Арина Семеновна, дотронувшись двумя пальцами до библии, которую Людмила прижимала к груди все сильнее.

– Не тани, Андрей! – не выдержал Борис Петрович, уставившись совиными глазами на просветленного друга.

Какая-то едва заметная зловещая улыбка проскользнула на лице Андрея Степановича, но этого было достаточно, чтобы у всех присутствующих поселился безумный страх. Людмила перекрестилась. Андрей Степанович медленно обвел всех взглядом, теперь его лицо выражало насмешливую гримасу, от которой перекрестился дрожащей рукой Федор Александрович.

– А нет там никого, – сказал божий избранник.

Его лицо приняло обычный вид – ничего не выражающий. – Нет никакого Бога. Я был там, лишь пустота. Ясно вам! – с бессильной злобой выбросил он, и вновь опустил голову, направив взгляд на потолок, где по-прежнему была очерчена картина из причудливых тонких линий трещин. Затем, словно не желая говорить, он закрыл глаза, скрестив на груди руки. Наступила гробовая тишина.

– Вот те раз! – воскликнул Борис Петрович.

– Этого не может быть! – раздраженно сказала Людмила, опуская руку с библией и уползая прочь, захватив мужа.

– Чертовщина, – сказала Арина Степановна, перекрестившись, и убралась прочь в свою комнату, откуда спустя пять минут начали раздаваться привычные для всех стоны умирающей.

Все разошлись, разочарованные, не верящие избраннику, со своими смутными и безумными мыслями. Но это и не удивительно, ведь сегодня им открылась тайна. Люба по-прежнему сидела у изножья кровати и тихо плакала.

Лишь один Андрей Степанович был спокоен. Он вспоминал, как во время операции, где его больное, измученное, дряхлое тело было оставлено для четырех мокрых от волнения утомленных врачей, безуспешно пытавшихся вернуть жизнь, а душа поднялась над комнатой, потом взлетела над больницей, облетела город, где он за миг вспомнил всю свою жизнь: детство, юность, зрелость и неизбежную мучительную старость. Когда он поднялся выше и кадры его прошедшей жизни испарились, он ощутил себя в объятиях белой, ослепительной, воздушной перины, схожей на облака, которые рассеялись, как легкий туман. Теперь, после непродолжительного времени, которое показалось ему вечностью, его окружали вечные предрассветные сумерки и тишина, полная, абсолютная, без мук и тревог, без мыслей, без движений. Он вспомнил! Он вспомнил это состояние покоя, в котором находился. Это было потрясюще! Теперь, находясь в своем прежнем облике, на своей вонючей кровати, от которой несло старостью, видя все эти измученные жизнью дряхлые больные тела с уродливыми морщинами, и проклиная этих четырех аматоров, резавших его тело, он понял, как ему было там хорошо, как блаженствовал в вечном покое божественной тишины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.